

Личность и творчество Лермонтова в пермской дореволюционной газетной критике

Столичные и провинциальные газеты рубежа XIX–XX вв. не только содержали литературные произведения, но и предоставляли читателю свою оценку как современной, так и классической литературы, способствуя созданию, формированию и коррекции вкуса и системы ценностей читающей аудитории. В связи с этим жизнь и творчество представителей классической русской литературы XIX в. становились своеобразным ценностным ориентиром, и источником информационных поводов — поводов для разговора с читателем.

Несомненным авторитетом для читателя рубежа XIX–XX вв. был М. Ю. Лермонтов. Поводом для разговора о нем могла стать, например, публикация материала о писателе в столичном журнале: так, в 1896 г. Н. А. Синицын в своем обозрении «Письма периодической печати» рассматривает «психологический этюд» И. Иванова «Личность и поэзия Лермонтова» («Образование», 1897, март); а в статье, вышедшей через год, он высоко оценивает стихотворение О. Чюминой «Памяти Лермонтова», создающее образ поэта — певца Кавказа.

Традиционный для газетного критика повод заговорить о Лермонтове — издание сочинений поэта (например, издание Академии наук, длящееся около пяти лет). Критик, подписывающий свои тексты топонимическим псевдонимом «Елатомский», откликнулся на выход последнего, пятого, тома полного собрания сочинений Лермонтова: «В этом томе содержатся комментарии к сочинениям Лермонтова и материалы для биографии, свод литературы о его жизни и творчестве» [2]. Елатомский констатировал недостаточное внимание составителей к лермонтовским текстам. Свою негативную оценку он аргументировал следующим образом: некоторые приписанные перу Лермонтова стихотворения ему не принадлежат; среди авторитетных исследователей творчества поэта «не выдерживает научной критики», например, проф. П. А. Висковатов; обзор литературы о Лермонтове воспринимается недостаточно полным — так, в нем отсутствует очерк проф. И. Ф. Анненского.

По мнению Елатомского, творчество Лермонтова занимает важное место в создании, становлении собственно русской литературы — именно поэтому он включает обоснованные оценки лермонтовских произведений в тексты публикаций о закладке памятника писателю работы Микешина в С.-Петербурге, сетуя о том, что исследователи творчества поэта Н. Котляревский, Д. Мережковский и О. Миллер «не раскрыли нам душу Лермонтова» [4].

Высокой оценки взыскательного критика, однако, удостоилась брошюра проф. П. А. Заболотского, представляющая собой «весьма интересный обзор переводов из Лермонтова и лермонтовской литературы у славян».

Первоначально этот очерк был, кажется, напечатан в академическом издании Лермонтова, а теперь автор выпустил его отдельной брошюрой, — пишет Елатомский, — ... обзор производит впечатление исчерпывающего перечня всего переведенного из Лермонтова и написанного о Лермонтове на славянских языках.

Положительную оценку сборника автор объясняет также следующим соображением: «Такие издания способствуют делу “русско-славянского сближения”» [6].

Юбилеи писателя, пришедшиеся на 1891, 1901, 1911, 1914 гг., также давали повод начать разговор о творчестве писателя на страницах периодических изданий. Несомненно, критиками не раз поднимался вопрос о современном звучании лирики Лермонтова, не мог его не затронуть и Елатомский:

Теперь, когда шумит «гроза военной непогоды», — писал он в 1914 г., — дух Лермонтова ближе нам, чем когда-либо. Ведь его стихией было постоянное стремление, духовная тревога. <...> Лермонтов весь в искании и поэтому он так близок современному русскому человеку, что он редко бывает удовлетворен отпущенною ему дозой личного благополучия и чаще страдает, разрешая вечные вопросы бытия, а, следовательно, также ищет. <...> Одна сторона этих исканий особенно интересна для нас... это его отношение к войне... по словам новейшего критика, <Лермонтов> объективно считал войну великим злом, потому что она разрушает красоту и гармонию природы [3].

В связи с событиями Первой мировой Елатомский неоднократно обращался к образу войны в произведениях русских писателей XIX в. В статье «Русская непобедимость в произведениях наших поэтов», опубликованной осенью 1914 г., он рассматривает образ войны в том числе и в стихотворениях Лермонтова:

Автор «Демона» представляет себе русский народ каким-то сторуким исполином... особенно характерно и знаменательно это отношение к русской национальной мощи именно в устах Лермонтова, который, как известно, с знаменательною храбростью сражался на Кавказе [5].

Постоянным автором «Пермских губернских ведомостей», обращающимся к литературной и культурной жизни России и Перми в частности, был журналист, подписывающий свои тексты «“Чубин”. (“Черномор”))». Творчество Лермонтова было для него также своеобразным ценностным ориентиром. Так, откликаясь на выход «Литературного альманаха» в 1912 г. (изд. журнала «Аполлон», СПб.), критик выступил с общей оценкой современной поэзии, заметив, что она занимается «самоценной декоративностью», «поиском красивых слов» и, как следствие, выглядит оторванной от запросов живой жизни, утрачивает связь с традициями А. Пушкина и М. Лермонтова [см.: 8].

Также Чубин вспомнил о творчестве Лермонтова в разговоре на тему оскудения в современном обществе национальной идеи. В связи с постановкой переделки романа Ф. М. Достоевского «Бесы» в Московском художественном театре, послужившей поводом к публикации статьи, Чубин определил истоки

изображенного Достоевским «трагизма личности», оторванной от национального быта и национальной идеи:

Если ставрогинство не демонизм, то оно его продолжение. Байроновское влияние на нашу литературу, увлечение в период Лермонтова красивыми жестами разочарованных и злых юношей представляется началом развития того индивидуализма, который получил завершение в Ставрогине. Ставрогин продолжает лермонтовского демона: он не только зло совершает, но и нечувствительно для себя — к добру переходит. И вовсе не из-за скептицизма, из-за духа неверия, а из-за желания скорее заткнуть какую-то душевную пустошь. На почве стремления к приключениям чувств, к рисованию узоров ума его силы направляются по путям разнообразным, и в них теряются, так как маска, представленная в романе, есть уже результат истощения энергии, растраченной измызганной душой. Эту измызганность, это безволие, с которым мы в романе сталкиваемся как с результатом прошлого, и заключает в себе трагизм индивидуализма, личной беспочвенности, не прирепившейся к быту нации [9].

Позже, в связи с обменом приветственными адресами между английскими и русскими писателями, Чубин вновь обратился к теме влияния творчества Байрона на формирование романтического стиля Лермонтова: «Байронизм эпохи Пушкина и Лермонтова отвечал потребности в героическом» [7].

Журналистами на страницах пермских газет обсуждались такие события, как публикация переводов Лермонтова, установка памятников поэту (например, в Пятигорске и Александровском саду Петербурга), выход из печати книг Лермонтова не только в столицах, но и в провинции. Пермская периодика освещала издание книг Лермонтова в том числе и в соседних губерниях. К примеру, уровень вышедшего в Вятской губернии издания Лермонтова (1902) отмечался как высокий. Пермь не обходила вниманием и публичные лекции о творчестве писателя, например прочитанную Владимиром Соловьевым в 1899 г. в Соляном Городке лекцию «О Лермонтове»:

Зал был переполнен публикой... лектор подверг жестокой критике произведения знаменитого поэта, находя, что талант его далек от гениальности и что для истинного, вдохновенного творчества Лермонтову не хватало высоких нравственных принципов. Вообще Соловьев очертил значение творца «Демона» в истории русской поэзии на довольно мрачных красках [1].

Присутствовавший на лекции корреспондент «Пермских губернских ведомостей» счел данную оценку необоснованной.

В качестве итога наших наблюдений следует отметить, что журналисты пермских газет рубежа XIX–XX вв., в целом приветствуя оригинальную современную литературу и творческое мировоззрение авторов «серебряного века», все же выступали за верность традициям русской классической словесности уходящего века, представляющей качественным «мерилом» литературных и культурных ценностей. Одним из таких ориентиров выступало творческое наследие М. Ю. Лермонтова.

Литература

1. [В. Соловьев. О Лермонтове] // Пермские губернские ведомости. 1899. 26 февр. (№ 46). С. 2–3. (Наука, искусство и литература).
2. *Елатомский*. Академический Лермонтов // Пермские губернские ведомости. 1913. 18 мая (№ 104). С. 3.
3. *Елатомский*. Лермонтов и мы // Пермские губернские ведомости. 1914. 1 окт. (№ 228). С. 3.
4. *Елатомский*. О Лермонтове и памятнике ему // Пермские губернские ведомости. 1913. 10 окт. (№ 214). С. 2–3.
5. *Елатомский*. Русская непобедимость в произведениях наших поэтов // Пермские губернские ведомости. 1914. 30 сент. (№ 227). С. 2–3.
6. *Ел<атомский>*. Заболотский. «Лермонтов у славян». СПб., 1913 // Пермские губернские ведомости. 1914. 4 янв. (№ 3). С. 4. (Библиогр.)
7. *Черномор*. Английские и русские писатели // Пермские губернские ведомости. 1915. 5 апр. (№ 88). С. 2–3.
8. *Черномор*. Красота и красивость // Пермские губернские ведомости. 1914. 29 марта (№ 71). С. 3.
9. *Ч<ерном>-ор*. Ставрогинский индивидуализм // Пермские губернские ведомости. 1914. 19 июня (№ 130). С. 3.

Т. В. Сараева

Кемерово

О некоторых мотивах лирики М. Ю. Лермонтова в творчестве А. Штейгера

Многие русские поэты-эмигранты чувствовали особую близость к судьбе и творчеству М. Ю. Лермонтова, поскольку его жизнь также была отмечена знаком политического изгнания. Идейный вдохновитель «парижской ноты» Г. Адамович, имевший большое влияние на литературную молодежь, считал, что именно путь Лермонтова актуален для молодых поэтов эмиграции. Так, в своем эссе «Пушкин и Лермонтов» он писал: «Сейчас Лермонтов — это не учитель, а друг» [1, с. 112]. Как художник, понимающий всю «трагедийность жизни», Лермонтов завладел душами Монпарнаса.

С точки зрения Г. Адамовича, увлечение Лермонтовым в юности было хорошим «показателем», равнодушие же к нему — подозрительным. По Адамовичу,

у Лермонтова очень чистое представление о жизни, несмотря на пресловутое его разочарование или «безочарование», как выразился Жуковский. Огромные страсти, огромная печаль, ожидание какого-то огромного счастья — и, наряду с этим, отказ от всякого компромисса с необходимостью, с условностью, со всем вообще, что заставляет людей довольствоваться обыденным скудным существованием [1, с. 85].